

стремился воспроизвести в своих монастырях постройки «святых мест» православного Востока и, в частности, Иерусалимского храма в Ново-Иерусалимском монастыре в Истре. В этом смысле замысел Андрея Боголюбского уподобиться Соломону был типичным явлением.

Любопытно также, что Иерусалимский храм строился Соломоном по «завету» его отца Давида.¹⁰ Не лежит ли в этом косвенная причина появления на стенах владимирских храмов скульптурного изображения царя Давида? Сам «премудрый» Соломон «глагола о древесех от кедры, сущаго в Ливане, даже и до исопа исходящий страсти и глагола о скотех, и о гадах, и птицах, и о рыбах... яко и припрение на бесы и запрещение размыслии».¹¹ Следовательно, со строителем Иерусалимского храма, по Амартолу, связывалось учение о живом мире растений и животных («фисилогии рекше родословии»), изображения которых, появившись в постройках Боголюбского, приобретают в дальнейшем столь важное значение в резном уборе построек Всеволода III и его сыновей. Это, конечно, не раскрывает причин появления резного тератологического убора в архитектуре Владимиро-Суздальской Руси и тем более не объясняет его содержания, но возможно, что мысль о резном убранстве храмов получила толчок от того же привлеченного строителями XII в. источника — хроники Амартола.

2

С тем же текстом Амартола о Соломоновом храме связан другой интересный вопрос истории древнерусского зодчества.

В тверской архитектуре первой половины XV в. существовал своеобразный тип ярусного храма, где над основным кубом здания возвышались один или несколько меньших, убывающих кверху ярусов. Такая церковь изображена на панораме тверского кремля начала XV в. (рис. 1); это, вероятно, храм Ивана Милостивого, построенный князем Иваном Михайловичем Тверским между 1413 и 1420 гг.¹² Живым образцом такой композиции является церковь в селе Городне на Волге, построенная в 40-х годах XV в. князем Борисом Александровичем Тверским (рис. 2).¹³ Последнее здание связано с общерусским процессом разработки динамической ступенчатой композиции верха храма, наиболее ярко проявившимся в зодчестве Москвы начала XV в. и более робко и сдержанно — в Твери. Позже эта ярусная композиция «тверского типа» отражена в деревянном зодчестве; такова, например, Вознесенская церковь в Торжке (1653 г.).¹⁴

Интересный комментарий к истории этого типа здания дают миниатюры знаменитой рукописи «тверского» Амартола, сделанной в Твери по заказу княгини Ксении и ее сына, князя Михаила Ярославича Тверского, около 1294 г.¹⁵ Здесь среди 127 миниатюр есть изображения иерусалимских зданий. Д. В. Айналов отметил, что «особенно замечательно изображение завета Давида Соломону о постройке Иерусалимского храма, причем изображен и самый храм в виде ступенчатого башнеобразного здания,

¹⁰ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола..., стр. 143.

¹¹ В. М. Истрин, Хроника Георгия Амартола..., стр. 144—145.

¹² Н. Н. Воронин. Тверской кремль в XV веке. КСИИМК, в. XXIV. М.—Л., 1949, стр. 84—91.

¹³ Н. Н. Воронин и В. Н. Лазарев. Искусство среднерусских княжеств XIII—XV вв. В кн.: История русского искусства, т. III. М., 1955, стр. 25—27.

¹⁴ Древности. Труды Московского археологического общества, т. IX, таблица к стр. 133.

¹⁵ Д. В. Айналов. Миниатюры древнейших русских летописей в Музее Троице-Сергиевой лавры и на ее выставке. В кн.: Краткий отчет о деятельности Общества любителей древней письменности и искусства за 1917—1923 годы. Л., 1925.